

Кристофер Прист

Отрицание

*Часть сборника
Архипелаг Грез (сборник)*

Кристофер Прист
Отрицание

«ЭКСМО»

1999

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Отрицание / К. Прист — «Эксмо», 1999

«Каждый раз, когда вдалеке громыхали вагоны подходившего к станции поезда, Дик с тоской вспоминал о доме. Он всегда прислушивался к этим звукам – и в дозоре, и вне службы...»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Кристофер Прист

Отрицание

Copyright © 1999 by Christopher Priest

© М. Казанская, М. Клеветенко, М. Павлова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Как и все мечтатели, я путаю разочарование с истиной.
Жан-Поль Сартр

Каждый раз, когда вдалеке гроыхали вагоны подходившего к станции поезда, Дик с тоской вспоминал о доме.

Он всегда прислушивался к этим звукам – и в дозоре, и вне службы. Порой, когда горные ветры ненадолго стихали, он улавливал ритмичный грохот колес задолго до прихода состава на вокзал, и шипение пара по прибытии поезда, и пронзительный свист перед его отправлением. Капрал вспоминал мать с отцом и родительский дом в Джетре, где он вырос. Вспоминал школу, друзей и мельчайшие достижения юности, шаг за шагом, как и все свое прошлое, отделенное от нынешней жизни лишь годом, но уже безвозвратно утерянное и далекое. Железная дорога осталась единственной ниточкой, еще связывающей его с утраченным детством, и Дик мечтал о том, что когда придет черед покинуть эти стылые, забытые богом места, он сядет на тот же поезд, что привез его сюда темной ночью.

Накануне капрал набросал пару строф, посвященных поезду, – захотелось поверить, что воинская муштра не изменила его полностью. Но стихи получились неудачными, и Дик безжалостно их уничтожил. С начала своей пограничной бытности иных попыток литературного творчества он не предпринимал, а после провала со стихами и вовсе определил для себя писательство пустым делом – во всяком случае, пока не попадет в менее суровые условия.

Последние две недели он прислушивался к поездам с особым трепетом. Потому что знал: вскоре сюда должна приехать писательница Мойлита Кейн. Дику казалось, что он сразу узнает поезд, который доставит ее в здешние края, что он будет звучать как-то по-особенному. Хотя, конечно, полной уверенности в этом не было. Забегая вперед, о факте ее прибытия в изолированный гарнизон он все-таки узнал, но совершенно другим способом. А было так...

Как-то вечером, возвращаясь из войсковой лавки за полчаса до прибытия поезда, он увидел несколько лимузинов, припаркованных в центре, у здания городского собрания. Двигатели автомобилей работали, водители сидели внутри и ждали команды. Дик медленно перешел на другую сторону улицы под ритмичные всхлипы выхлопных труб. Пахло бензином, вокруг лимузинов вились облачка белого пара, окрашиваясь огнями разноцветных гирлянд, по особому случаю развешенных на карнизах ратуши.

Большие двойные двери распахнулись, и широкий пучок теплого света упал на блестящие автомобили и утоптаный перед зданием снег. Зябко ежась и вжав голову в плечи, Дик продолжил путь к полицейским казармам. Бюргеры выходили из ратуши и шли к машинам. Захлопали двери автомобилей. Через несколько минут кортеж медленно проследовал мимо капрала. Лимузины свернули на накатанную проселочную дорогу и поехали к станции, что находилась чуть дальше на заснеженном склоне. Только тогда Дик догадался, в чем причина

торжественной встречи. Подойдя ко входу в барак, он замер и прислушался. До прибытия вечернего поезда еще оставалось какое-то время, но дул слишком сильный ветер, и с такого расстояния он все равно не разобрал бы стука колес.

В казарме было жарко. Миновав свою комнату, Дик вышел на открытый балкон. Снегопада сегодня не было, и на балконном полу он увидел свои же мерзлые следы со вчерашнего дня. Они доходили до угла и терялись в том месте, где накануне он переминался, пытаясь согреть ноги. Дик направился на привычное место, сунув руки поглубже в карманы, и вскоре зябко притоптывал.

Отсюда открывался вид на узкую улочку, что вела к центру городка. Все будто вымерло. Не считая гирлянд, весело перемигивающихся на домах, большинство окон в зданиях были темны. Из подвального этажа казармы, где находился бар, лились звуки аккордеона, доносились хмельные голоса и развязный смех.

Капрал перевел взгляд на просторную долину – туда, где над крышами дальних домов на фоне звездного неба нависали темные очертания гор. Тонкий серпик луны освещал черные клочья соснового леса на мерзлых склонах. По северному хребту, в нескольких тысячах футов от поселения, тянулась огромная фронтальная стена, оберегая от вражеского нападения долину и подступы к морю. С такого расстояния, да еще ночью с мерзлого балкона, мало что можно было рассмотреть. Зато в патруле открывался великолепный вид на долину и окружающие ее горы.

Дик ждал, поживаясь от холода и притоптывая ногами. Но вот шипение паровозного пара пронеслось эхом по стилому, ветреному небу долины, и сердце в который раз сжалось от привычной тоски по дому.

Он вернулся в помещение и увидел ребят из своего взвода в зоне отдыха возле бара. Большинству из сослуживцев выпивка была не по карману. Обычно патрульные коротали вечера, подкалывая друг друга и упражняясь в завиральстве и хвастовстве. Гомон, который они создавали, позволял им забыться, отвлечься от мыслей о службе и предстоящем дежурстве. В тот вечер один из парней притащил бутылку домашнего шнапса, и компания передавала ее по кругу, по очереди прикладываясь к горлышку и залихватски вытирая губы тыльной стороной ладони. Вскоре Дик кричал и смеялся вместе со всеми.

Какое-то время спустя один из товарищей, сидевший у окна, громко вскрикнул и позвал остальных. Все сгрудились кучей и стали смотреть сквозь протертое в изморози пятно. Со станции возвращалась колонна машин. Автомобили ехали тихо, почти неслышно. Под надутыми толстыми шинами уютно похрустывал умятый снежок.

Когда пришла повестка, Дик как раз поступил в университет. Случай вышел спорный, ведь поступление в вуз давало ему трехгодичную отсрочку от службы, которую он и получил через несколько дней тревожного ожидания. Как и все юноши в его положении, Дик счел такое решение вполне удовлетворительным, полагая, что пока он учится, политический конфликт может закончиться.

По несчастному стечению обстоятельств, документы об отсрочке пришли в то же самое время, когда противник нанес целую серию воздушных и ракетных ударов по промышленным районам столицы, а несколько недель спустя началось неудачное вторжение на востоке страны. Все знакомые записались на фронт добровольцами, включая и тех, кто получил отсрочку. Дик продержался ровно столько, столько позволила ему совесть, и в конце концов тоже отправился в военкомат.

До всей этой заварушки он мечтал пройти в университете Джетры курс современной литературы, к чему его подтолкнула книга некой Мойлиты Кейн. За свою недолгую жизнь он прочел массу всякой беллетристики, насочинял кучу стихов, но лишь одно произведение,

роман «Утверждение» длиною в тысячу страниц, впечатлил его в полной мере. Знакомство с этой книгой он искренне считал лучшим и наиболее ярким событием своей жизни.

Вот только странно: глубокая, сложная вещь не обрела отчего-то широкой известности. О ней практически нигде не упоминалось. Более того, в университете о ней даже не слышали – в том числе и члены приемной комиссии. Книга была написана с предельной ясностью, мудростью и страстью, сюжет сводился к бесхитроственному противоречию между обманом и романтической истиной, а эмоциональная подача показывала глубокое понимание человеческой природы.

И даже сейчас, три года спустя, в глубине души теплилось то безыскусное потрясение, что охватило его в первый раз, когда он прочел роман. С тех пор Дик возвращался к нему снова и снова и даже навязывал тем немногим друзьям, которых считал близкими по духу людьми, не решаясь, впрочем, отдать в чужие руки свой драгоценный экземпляр. А еще, по возможности, он стремился исповедовать в жизни философию главного героя и придерживаться его моральных принципов.

Конечно, Дик тут же пустился в бесплодные поиски других книг того же автора, но, увы, те не увенчались успехом. Безотчетно он принял за данность, что писателя нет в живых, – наверное, к этому его подтолкнул ошибочный стереотип, что в букинистических магазинах продаются лишь книги мертвых авторов, – а поскольку две первых страницы его томика были вырваны, ему негде было подсмотреть дату выхода. Наконец, запросив информацию у издателя, Дик получил весьма обнадеживающий ответ: Мойлита Кейн (по какой-то неясной причине Дик полагал, что автор – мужчина) не только жива, но и пишет второй роман.

Все описываемые события происходили на «передовой» его личной жизни. А в политической жизни страны конфликт с соседними государствами перерос в боевые действия, впрочем, пока еще не ставшие полноценными сражениями. Миротворивший начитанный мальчик, замкнутый и неуклюжий, болезненно ощущал приближение войны. Его ужасали те перемены, которые она уже привнесла в повседневную жизнь. Он с головой уходил в книгу и погружался в созданный автором воображаемый мир, очень правильный, однако совсем непростой.

Пока Дик прятался в своем удивительном внутреннем мире, внешний мир стремительно изменялся, и не только люди, но и обстоятельства. Пролетело три года, и он попал в суровый край, где тоже развернулся театр военных действий. Бои охватили широкую область прибрежной долины на юге, но к моменту его прибытия в горном секторе поддерживался серый статус боеготовности, то есть все было более-менее спокойно. Утешала мысль, что он все-таки на передовой. С прежними мечтами и планами пришлось расстаться – ну, или отложить их, по крайней мере, до окончания войны. Дик захватил зачитанный томик «Утверждения» и носил повсюду с собой. Подобно вечернему поезду из Джетры, чье прибытие оставалось невидимым, но осязаемым, томик стал тонкой нитью, связующей его с прошлым и, в некотором смысле, с будущим.

Через день или два после торжественной встречи на вокзале на доске объявлений в казарменном холле появилось отпечатанное на машинке объявление. Оно гласило, что в городке находится финансируемый правительством военный писатель, с которым любой желающий запросто может пообщаться.

Дик подал заявку и без малейших проволочек получил пропуск.

- Цель посещения? – спросил его взводный.
- Привести мысли в порядок, сэр.
- Увольнений по этому поводу не полагается.
- Я посещу ее в свое личное время.

В тот вечер Дик заложил пропуском страницы любимого романа, в том месте, где описывается первая, мимолетная встреча Орфе и Хильды, пленительной жены человека по имени Кошти, в скором времени неминуемо ставшего соперником главного героя. Эта сцена, полная намеков и обещаний, пронизанная волнительным трепетом и эротическим подтекстом, была одной из любимейших во всей большой книге.

Пропуском он воспользоваться не успел: на следующий день его отправили в горы к пограничной стене нести трехнедельную вахту. Не успел их отряд добраться к месту дежурства, как на границе началась перестрелка. С обеих сторон палили из минометов, закидывали друг друга гранатами. На соседнем склоне погибли шестеро констеблей, нескольких человек ранило. Пока ждали из города подкрепления, небо заволочло тучами, и военные действия временно прекратились. Дика отправили обратно в городские казармы.

Метель продолжалась еще два дня, засыпая улицы огромными сугробами. Дик был на казарменном положении и смотрел на серо-черное небо и падающий снег. Он привык к погоде в горах, и она больше не влияла на его настроение. Мрачные дни не удручали его, а ясные – не бодрили, как это бывало в детстве. Скорее наоборот, он уже достаточно времени провел на войне, чтобы знать, что атаки противника случались реже, когда небо закрыто снегом, а день, который начался с яркого зимнего солнца, может закончиться ярким цветом крови. Дика волновало, что Мойлита Кейн находится где-то рядом, и расстраивало то, что он по-прежнему не может воспользоваться своим пропуском.

Метель улеглась на третий день, и Дика назначили в бригаду по уборке снега, рассчитывать заваленные улицы бок о бок с идущими тракторами. Натруженные руки кидали снег, болела спина, а мысли сами вращались вокруг одной темы: почему бы бюргерам не проложить мостки с электрическим подогревом хотя бы на главной улице? Ведь обустроили же теплые дорожки позади бруствера на стене. Порой, заработавшись, капрал чиркал лопатой булыжник под толщей снега и льда – там, где тянулась по городку старинная мостовая.

Монотонная работа – монотонные мысли. Зато удалось выпустить пар, избавиться от затаенного раздражения в адрес горожан. Он плохо представлял себе довоенную жизнь городка, но кое-кто из парней, обитавших тут по соседству, рассказывал про контрабандистов, которые ввозили оружие, про наркочилеров и про то, как теневой бизнес скупал здешние предприятия. О том, как нечистые на руку люди вселились в дома на отшибе и фактически подмяли под себя целый город. Местным же из числа работяг оставалось одно: гнуть спину на лесозаготовках либо кормиться своим огородом. Особый статус городок приобрел благодаря выгодной стратегической позиции: стене, возведенной вдоль горной гряды.

В ту ночь Дик спал крепко, но с утра, забившись в дальний угол трясущегося грузовика, что взбирался к границе по дороге с электрическим подогревом, терпел адскую боль в натруженных мышцах. И все обмундирование, что было при нем – рюкзак на плечах и винтовка, железный шлем и теплые зимние боты, даже веревки, – все, казалось, имело немислимый вес, как те тонны снега, что он накануне перекидал.

Так и в этот раз не представилось случая повидаться с Мойлитой Кейн. Надежды на встречу пришлось отложить. Дик смирился с потерей, как смиряется с тяготами пути пехотинец, усилием воли продолжая шагать вперед. И еще он заранее принял тот факт, что писательница может уже уехать к моменту его возвращения из очередного дежурства – если, конечно, его не убьют, не ранят и не захватят в плен.

Через несколько дней обстановка на границе успокоилась, и капрал живым и невредимым вернулся в часть. Он с нетерпением ждал увольнения. Положенные ему двое суток он рассчитывал провести с пользой, в отличие от всех прошлых, состоявших из бесцельного шатания по казарме.

Выданный лейтенантом пропуск давал право на посещение заброшенной лесопилки в светлое время суток, без надзора и сопровождения. Дик знал, где находится лесопилка, но никогда в тех местах не бывал. За долгое время дежурства он сотни раз проигрывал в воображении путь до крыльца. На этом его фантазия истощалась, он не представлял себе, что будет дальше и кто как себя поведет. Перспектива увидеть писательницу настолько вытеснила все прочие мысли, что он не способен был просчитать свои действия дальше первых секунд их встречи. Он не знал, что ей скажет, – достаточно было просто увидеть ее, ну, а если совсем повезет, то, может быть, даже пожать ее руку.

Покидая казарму, Дик сунул за пазуху том «Утверждения», решив, что автограф он в любом случае выпросит.

Что удивительно, ближе к окраине города – там, где дорога сужалась, переходя в тропу, – власти додумались проложить «теплый путь», и под ногами хлюпала грязная слякоть. В морозный воздух поднимались клубы белого пара. Дик оскальзывался на ходу: под ногами хрустел ледок – там, где тонкая корочка талого снега успела заиндеветь на морозе.

Наконец показалась старая лесопилка. Капрал уже взбирался по склону, когда в одном из окон под самой крышей мелькнул силуэт. Это была женщина. Увидев чужака, она распахнула окно и высунулась наружу. На ней была пушистая меховая ушанка с болтающимися завязками.

– Что вам надо? – сердито крикнула она, уставившись на него.

– Я хотел повидаться с Мойлитой Кейн. Она дома?

– Зачем она вам?

– У меня пропуск, – ответил он.

– Дверь за углом. Входите.

Захлопнулись ставни, незнакомка исчезла в окне.

Дик послушно отправился куда было велено и, сойдя с теплой дороги, ступил на проптанную дорожку в колдобинах и ухабах. Свернув за угол, где обнаружилась обещанная дверь, он вдруг подумал, что, наверное, мисс Кейн и есть та самая женщина, говорившая с ним из окна.

Капрал не ожидал, что она выглядит именно так. Он, конечно, не задавался целью в точности нарисовать в воображении ее портрет, и все же ее внешность шла вразрез с его представлениями о писательницах. Дама оказалась немолодой и полной, с суровым, даже сердитым лицом.

Дик воображал себе тонкое, неземное существо – не столько по форме, сколько по содержанию, нечто невесомое и романтическое. Ну конечно! А каким же еще должен быть человек, написавший такую книгу?

Он толкнул дверь и вошел. В доме было темно и стыло. В глаза бросились угловатые очертания лавок и пил, огромные козлы и ленты конвейеров. В углу, под системой колес, приводов и валов затаился массивный проржавленный механизм. Сквозь щели в стенах просвечивал солнечный свет. Здесь еще сохранился дух лесопилки: пахло стружкой, пылью и затхлостью.

Над головой раздались чьи-то шаги, и на верхней площадке лестницы появилась женщина.

– Вы – мисс Кейн? – спросил Дик, не в силах поверить своим глазам.

– Они что, не нашли записку? – проворчала та, спускаясь к нему. – Я же просила меня не тревожить.

– Правда? Простите, я зайду в другой раз.

Дик попятился, слепо шаря у себя за спиной в поисках дверной ручки.

– И передайте Клерку Трейдану, что вечером я тоже занята.

Она спустилась до нижних ступеней и с нетерпением смотрела на визитера, ожидая, что тот наконец уйдет. Капрал, как назло, не мог справиться с дверью – ручку словно заклинило. Он вытащил из кармана другую руку, и в этот момент книга выпала из шинели и шлепнулась на пол. Пропуск, зажатый между Хильдой и Орфе, вырвался из книги и тоже спланировал на пол. Дик нагнулся, чтобы подобрать упавшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.